

Таня Ли

Могти
непридуманые
истории
для взрослых

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Таня Ли

Почти непридуманные истории для взрослых

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48900717

Т. Ли. Почти непридуманные истории для взрослых / [Сборник]: ООО

«Издательство «Этерна»; Москва; 2019

ISBN 978-5-480-00400-7

Аннотация

Грустные и смешные, трагические и комичные, придуманные и абсолютно правдивые истории о жизни и смерти, добре и зле, любви и предательстве. Все происходит или может произойти прямо сейчас. С вами или рядом с вами.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Почти непридуманные истории для взрослых	5
Платье в горох	5
Веселый день	17
Архангел Михаил	27
Любовник	35
Пон Бютан	38
Пятидневка	43
English couple	45
Киевский вокзал	47
Велогонка	58
Magusa	62
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Таня Ли
Почти непридуманные
истории для взрослых
Сборник

© Т. Ли, 2019

© ООО «Издательство «Этерна», оформление, 2019

* * *

*Всем тем, кто стал героем этой книги,
посвящается*

Почти непридуманнные истории для взрослых

Платье в горах

Он приехал к нам в деревню, когда мне исполнилось тринадцать. Мамка напекла пирогов с капустой, отец подарил мне куклу. Большую, пластмассовую, когда ее наклоняешь, она делает «у-а-а-а». Наверное, ездил в областной центр. Я видела такие несколько лет назад, еще просила купить. Но мать сказала, вот четверть закончишь на пятерки – куплю.

Я закончила без единой четверки, на «отлично», а мне не купили. И вот через два года я распаковала коробку, а там эта кукла, с большими синими глазами. Но мне ее больше не хочется.

«Как на Раискины именины испекли мы каравай. Вот такой ширины...» Да пойте вы хотя бы «на Танины именины...».

Что за имя мне выбрали, Раиса, тьфу! Он приехал и поселился на самом краю деревни в заброшенном доме. Когда-то там жила древняя бабка. Бабку схоронили уж не помню когда. Помню только, я совсем маленькая была и сладкую кутю на поминках ела. Вещи разворовали. Так и стоял дом без окон и дверей, того гляди развалится. Он вставил окна, двери и зажил там.

Его боялись. Никто не знал, откуда он приехал и зачем. Такую дыру, как наша деревня, еще поискать надо. Кто-то поговаривал, что он наверняка вор-рецидивист, а может, и вообще убивец. Кто его знает? Нашим-то делать нечего, дай только лясы поточить. Деревня маленькая, слухи разносятся в два счета. Не успеешь за ворота выйти, а о тебе уже сказки рассказывают. Его побаивались еще оттого, что водку с мужиками он не пил, по бабам не ходил, сидел дома, дрова рубил, мастерил чего-то в огороде, на речку один ходил и рыбу ловил.

Мы с соседскими детьми иногда за ним подглядывали. Спрячемся в бурьяне и следим за ним. Он выйдет с топором,

а у нас аж душа в пятки – идет на убийство. А он – хрясь! – по бревну, и оно – на две половины. Тренируется, говорили мы и разбегались по домам, а вдруг он и взаправду так и человека может? Лето жаркое тогда было. Меня мать на речку послала.

– Иди, – говорит, – хоть белье прополощи, а то совсем по дому не помогаешь, – и сунула мне в руки ведро с простынями.

Еле дотащила его до речки. Речка у нас чистая, прозрачная, с быстрым течением. Я опустила простыню с деревянного мостика, наклонилась и полоскала. Простыня стала тяжелая от воды, и вытащить я ее не могла. Потянула сильно, да не удержалась и плюхнулась в воду. Плавать я умела, но не очень-то хорошо, так себе. Дна не почувствовала. Сначала хваталась за простынь. Нас с нею течением понесло, и я стала захлебываться. Помню только, что кто – то меня за волосы резко дернул. Очнулась на берегу. Меня рвало. Он сидел рядом и выжимал свои брюки.

– Что ж ты, дуреха, в воду прыгнула?

– Я не прыгнула, я упала... за простынею. Где она?

– Кто?

– Простыня белая в цветочек мелкий.

– Простыню рыбаки завтра принесут, – сказал он, надевая на себя мокрые брюки.

Я заревела:

– Мамка дома убьет...

– А если бы ты утонула, она б тебя не убила, да?

Он поднялся и пошел по тропинке наверх, а я, зареванная, понесла ведро с непрополосканным бельем домой. Родители меня ругали, но не так сильно, как если бы я просто потеряла простыню, без ущерба для здоровья.

– Я чуть не утонула, – редела я, а мать с отцом ругались, кому пришла в голову идея отправить меня одну на речку.

Про своего спасителя я ничего им не рассказала. В тот вечер они долго жалели простыню в цветочек, которую им подарили на свадьбу. С соседскими пацанами я больше не сидела в бурьяне и не следила за Николаем. Так его звали, моего спасителя. Напротив, мне хотелось однажды подойти к нему и сказать спасибо. Я ведь тогда не сказала. Он надел мокрую одежду и ушел. В воскресенье отец с матерью пошли в церковь, а я, сославшись на то, что болит живот, осталась дома.

– Щи-то вылей, сколько их есть можно, вон у Раи-ски срачка! – орал отец на пороге.

– Пошли уж, а то последние придем.

Как только они ушли, я надела свое ситцевое платье в мелкие розочки (тетя Валя подарила в прошлом году, на вырост), причесалась и пошла к его дому. Во дворе его не оказалось. Я обогнула дом и спустилась к реке. Он стоял на берегу с удочкой.

– А, нырять пришла... пловчиха...

– Нет. Просто сказать вам спасибо.

– За что?

– За то, что вы меня выудили.

– Рыбу ловить умеешь?

– Умею, чего ж тут не уметь, – сказала я.

– Так же, как плавать?

– Да ладно вам, у нас течение сильное. В прошлом-то году двое взрослых мужиков потонуло, а вы говорите.

– Мужики небось спяну утонули. А вот тебя почему плавать не научили?

– А кто учить-то будет?

– Я могу. Тут главное не бояться воды.

– А я и не боюсь.

Он дал мне в руки удочку, и я поймала щуку. Просто повезло. У нас редко щуку можно поймать, разве что на хорошую наживку, а у него так... ерунда, черви, да и то мелкие. Николай снял рыбу с крючка и сказал:

– Ну что? По щучьему велению, по моему хотению, вели, чтобы девочка... как тебя зовут-то хоть?

– Рая.

– Чтобы Рая из рая научилась плавать.

Однажды перед дождем я играла в поле. Но потом, услышав гром, помчалась домой. По дороге начался ливень, я вся промокла и промочила тапочки.

– Где тебя носит, Раиска, девка непутевая! Сидела бы дома, уроки учила! – накричал на меня отец, и мать что-то от себя добавила.

Я обиделась и ушла в сарай. Там и переждала короткий проливной дождь. Потом вышла на улицу и нарочно шлепала по всем лужам. Тапки и так на выброс. Незаметно добрела до конца деревни. У Николая двери и окна были закрыты. Спустилась к речке. Никого, течение стало еще сильнее. Вода взбаламутилась, унося сорванные ветром ветки и коряги. Я повернулась и пошла домой сушить тапки. На следующий день опять пошла к его дому, дверь и окна снова оказались закрыты. Мальчишки сказали, что следили за ним, он три дня из дому не выходил.

Я постучалась, но он не ответил. Толкнула скрипучую дверь, она оказалась не заперта. Николай лежал на кровати в углу комнаты. На стене над кроватью висели черно-белые фотографии. Среди них больше всего было фотографий женщины с белыми волосами. Артистка, наверное. То она в шляпке, то в больших темных очках, то в купальнике, то в белом платье в черный горох. Такие платья только артистки носят.

– Здрасьте, – сказала я.

Он приоткрыл глаза, но ничего не ответил. Я подошла ближе и машинально потрогала его лоб. Так мне мама всегда делала, когда я вдруг вовремя не вставала в школу. Лоб был горячий. Я вышла из дома и напрямик побежала к тете Шуре, моей крестной.

– Теть Шур, дайте что-нибудь от жара, мамка просит.

– А кто заболел?

– Да папке плохо.

– Допился... Говорила я ему, на жаре-то не пей!

Я прибежала обратно домой к Николаю, дала ему таблетку и воды.

– Спасибо, дочка, а теперь иди, мне будет легче.

Он заснул, а я рассматривала на стене артистку. Когда я вырасту, стану похожей на нее. Встав у старого шкафа с почерневшим зеркалом, подняла наверх волосы. Вот так заколю, надену платье в горох и буду как она. Только купальники такие даже в областном центре не продаются. А я сошью.

Мы подружились с Николаем. Тайком от всех я бегала на реку и смотрела, как он ловит рыбу. Только мне больше везло. Когда он давал мне удочку и сам присаживался рядом на корточки, пристально смотря на воду, у меня замирало сердце, и я говорила себе: ну же... ловись, рыбка, большая и маленькая! Потом мы тут же у реки варили уху. Он доставал из рюкзака картофелины и лук, чистил их не торопясь, крошил в котелок и, помешивая, обычно говорил:

– Ну вот, Рая, сейчас поедим уху из рая. Ни у кого такая вкусная уха не получалась.

– А кто она? – спросила я однажды.

Он сначала не понял, о ком я говорю.

– Ну, та, артистка на фотографиях.

Он засмеялся:

– Артистка... Ну да.

– Вы ее любите?

Он ничего не ответил, помыл котелок и стал собирать удочки.

– Пойдем, а то мамка ругать будет.

Как-то мамка напекла блинов, а я завернула два и побегала к нему.

– Куда тебя понесло, бестолочь, дома бы поела!

– Нате, горячие еще, – и я положила на стол два сложенных треугольниками блина.

Он поблагодарил, один медленно съел сам, а другой мне подвинул:

– Ты тоже ешь, вкусные.

Потом мы ходили на речку, он учил меня плавать. Поначалу было страшно, особенно когда дна ногами не чувствуешь. Я начинала барахтаться и захлебываться, но Николай протягивал мне руку, я хваталась за нее – и страх отступал. Тем летом, в августе, мы переплыли реку на другой берег.

– Ты молодец! – говорил он. – Ты смелая и сильная.

Мне никто таких слов никогда не говорил. Я не знала тогда, что соседские пацаны следили уже не только за ним, а за нами. Они видели, как я бегала к его дому, как мы ходили вместе к реке, как сидели под дубом в поле.

В июле уродились у нас абрикосы, и я понесла их Николаю. Захожу, а он лежит.

– Вам плохо? Опять заболели? – спрашиваю.

– Нет, просто устал.

– От чего же устали? Утро еще.

– От жизни, Рая, устал.

– Разве можно устать от жизни? – спрашиваю.

Он ничего не ответил и повернулся лицом к стенке с фотографиями.

– А что это вы ее тут повесили, над кроватью? – спросила я про артистку.

– Мне тут ближе до нее дотрагиваться и разговаривать удобнее, – ответил он.

– Так что же вы с фотографией разговариваете? С живыми-то людьми все же лучше.

– Ну, если с живыми, то, конечно, лучше.

– Так поезжайте и поговорите с ней, – сказала я просто-душно.

– Она умерла.

Спустя какое-то время он мне рассказал про артистку, которая вовсе была не артистка, жена его – архитектор по образованию. Прошел год, как ее не стало. Тридцати ей еще не было. А ему, он сказал, тридцать четыре. Старик, подумала я тогда, но все равно красивый, даже когда грустный. И никакой он не страшный, как говорили наши в деревне. Просто одинокий. Люди многие ведь не понимают, что такое одиночество. А я понимаю и всегда понимала. Хотя мне тогда было тринадцать, а сейчас шестнадцать. Иногда такие одинокие люди вдруг встречаются и становятся счастливыми. Но потом, если вдруг что-то случится и они потеряют друг друга, им снова одиноко.

Как когда-то для Николая была его артистка, для меня был он.

– А если б люди жили вечно-превечно, – спросила я, когда мы сидели с ним на берегу реки, – что бы вы хотели делать, кем бы хотели стать?

– Я бы не хотел жить вечно.

– А я бы стала артисткой. У меня было бы белое платье в горох и купальник.

Он засмеялся. Первый раз видела, как он смеется.

– Ну так и станешь артисткой, у тебя вся жизнь впереди.

Наверное, мне было приятно с ним разговаривать, потому что он городской. Наши деревенские вечно кричат, меня называют Раиской. Отец – бестолочью, мать – непутевой, или наоборот. Хорошо хоть еще не часто бьют. Вон Ленку с Васькой отец лупит каждый день. А когда я сказала, что кончу школу и уеду на артистку поступать, отец с матерью ржали весь вечер, вспоминая мои слова.

– А если б я была вашей дочкой, вы бы меня били?

– За что?

– Ну, за уроки или за то, что я молоко пролила, или еще за что-нибудь...

– Бить ребенка или кричать на него нехорошо. Тем самым показываешь свою слабость.

– А я думала, они, наоборот, силу свою показывают.

Я говорила уже, деревня у нас маленькая, слухи расползаются быстро.

– Не смей к нему ходить! Ты сдурела, что ли?! – орал на меня отец.

– Он хороший и одинокий.

– Знаем мы таких хороших. Неизвестно еще, что у него на уме. Может, он от закона прячется!

Ленка с Васькой соседские допытывались, что это я к Николаю хожу.

– Уж больно ты нарядная к нему несешься, да еще с гостинцами.

Я не понимала, о чем они. Несмотря на запреты родителей, тайком сбегала к Николаю. Мы пили чай и разговаривали. Просто, о жизни, он рассказывал о жене. Это был единственный нормальный человек из всех, меня окружающих.

То ли из зависти, то ли из других каких побуждений Ленка наболтала лишнего моей матери, напридумывала глупостей, мол, он меня совратил. Помню, прихожу домой со школы, настроение хорошее. На уроке труда сплела из цветных проволочек человечка. Завернула его красиво в целлофан и ленточкой перевязала. Вот, думала, подарю Николаю на Рождество. Отец сидел дома злой. Получку пропил, на носу праздники, Новый год. На столе стояла половина бутылки водки и тарелка с салом.

– Ну что, говори, дочка, что он с тобой сделал, тварь городская? Убью гниду, чтобы детей чужих не трогал!

Я не понимала, о чем это он. Отец взял в сарае охотничье ружье и, матюкаясь, пошел за калитку. Я побежала за ним,

но он больно ударил меня по лицу. Я упала в снег и расплакалась.

Никакого разговора между отцом и Николаем не случилось. Николай открыл ему дверь, а отец выстрелил в него в упор. Отца посадили. А толку? Перед тем как разворовали скромные пожитки Николая, я успела снять со стены фотографии артистки, теперь храню их в тайнике в сарае, мать о нем не знает.

Николая вспоминаю часто. И если есть где-то там другая жизнь, то Николай наверняка в царстве небесном. Они там с женой вместе, он так за ней скучал. А я осталась одна. Уж лучше бы отец меня убил, грудь мне прострелил, и мы бы с артисткой его дожидались. Иногда я наряжаюсь и кручусь перед зеркалом. Я обязательно буду похожей на нее, на артистку. Вот только куплю платье в горох.

Веселый день

Серезжа

Это самый долгожданный и радостный день в моей жизни. По крайней мере за последние десять лет.

Я стал готовиться к нему полгода назад, но посерьезному – последний месяц. Готовиться – в смысле ждать, считать дни и часы. Занятие это бессмысленное, особенно когда есть другие дела. Но в моем случае подсчет дней – самое что ни на есть главное дело. А еще планы, целый список: кому позвонить, куда съездить, кого навестить.

Первым в списке – секс. С женой. Десять лет без женщины. Десять. Все мне предлагали подкатить к Тамаре, которая на нашем этаже сутки через трое дежурит, она вроде не отказывала никому, но я никак не мог, у нее усы! Часто представлял жену абсолютно голой. Будто она ходит по дому так, готовит на кухне, садится мне на колени, пока я ем. Или будто мы ребенка теще отвезли, а сами купили шампанского, лежим в кровати весь день, пьем и занимаемся любовью. Те еще фантазии.

Когда остался день, даже об этом я уже думать совсем не мог – в таком был нервном состоянии, в хорошем смысле этого слова. Я обходил друзей, прощался, дополнял свой список адресами. С некоторыми, думаю, мы скоро встретимся на свободе. Господи, не верю сам себе, не верю, что вы-

хожу...

Подписав все необходимые бумаги, собрав сумку и получив свои вещи, я вышел за ворота тюрьмы. Деньги у меня есть, жена привезла на прошлой неделе, но на такси ехать не хочется. Мне нужно прогуляться, кажется, я могу идти пешком целый день. Хочется кричать от радости, но почему-то иду молча, может, за десять лет разучился выражать эмоции. По Выборгской улице дошел до Ленинградского шоссе и направился в сторону центра. Сплошной поток машин, пробки, грязь под ногами, запахи города, выхлопных газов и чего-то химического будоражили меня. Я шел, улыбался и думал о том, какие же счастливые все эти люди, что стоят в пробках и проклинаят все на свете. Сами они этого не знают, а я – знаю.

На «Войковской» я нырнул в метро. Как же за десять лет изменились лица! Что было не так, сразу и не понять. И все сидят и стоят, уткнувшись в телефоны. Странно. Я чувствовал себя как потерявшийся во времени ребенок. На Тверской зашел в «Макдоналдс», захотелось гамбургера с колой. Ел, смакуя каждый кусочек, каждую крошку. Рядом сидел мужчина лет пятидесяти и смотрел в телефон. Ненадолго оторвавшись от экрана, он спросил:

– Ты из тюрьмы, что ли, вышел?

Спрашивать такое у незнакомого человека по меньшей мере неприлично, но он был прав.

– А заметно?

Мужчина ничего не ответил. Он подвинул ко мне свой неначатый обед и направился к выходу.

Я шел по бульвару к своему дому в Столовом переулке и представлял, как обниму Наташу, как выбежит мне навстречу Анечка, которой одиннадцать, как мы будем стоять, обнявшись, и плакать по времени, которое у нас отобрали. Последний раз мы виделись с Наташей два месяца назад. Казалось, она чем-то обеспокоена.

Наташа

Мне так страшно... Вы себе не представляете, как мне страшно. И стыдно. Хожу к нему, передачи передаю. В церкви свечи ставлю за его здоровье. А потом дома, уставшая, падаю в объятия его лучшего друга, с которым мы уже восемь лет вместе.

Когда Сережу посадили, я думала, что не выживу – с малышкой на руках, без работы, одна в чужом городе. Сначала хотела уехать к матери в Новосибирск, но Сережины родители отговорили, мол, пропадет он без тебя, ты нужна ему. Передачи кто будет носить? Со временем я научилась жить без мужа, работать пошла, дочку в ясли устроила. Сережкин друг Антон помогал нам. А однажды под Новый год пришел с елкой, Анечка выбежала к нему и закричала: «Папа елку плинес! Улаа!» Так Антон и остался у нас. Новый год вместе отметили, потом старый Новый год, потом на 23 февраля я ему купила одеколон, а он на 8 Марта мне мимозу принес и

колечко. Летом мы в Анапу все вместе ездили... Много раз обсуждали с ним, как сказать Сереже, что мы вместе. Антон не мог, это его друг детства, ну как ему рассказать о предательстве?

А я? Я тоже не могла. Все откладывала, вдруг как-то само устроится? Однажды я решилась. Прошло пять лет, как Сережа сидел, мы стали совсем чужими людьми. Каждый раз на свидании он смотрел на меня такими влюбленными глазами, а я отводила взгляд. Мне совсем не о чем стало с ним говорить. Было обидно за несправедливость его судьбы, ведь он сидел за убийство, которого не совершал, а теперь вот друг детства и жена оказались предателями... Я приехала в тюрьму с намерением рассказать ему правду, но на свидание он не пришел. Заболел. И всё. Никакой информации. Через месяц он все так же был болен. Я писала, звонила, приходила, все без толку. Через три месяца нам разрешили свидание. Он хромал, на щеке появился бордовый рубец и шрамы на руках. Он как-то по-стариковски кашлял, все время извинялся за свой внешний вид, но так и не рассказал, что случилось.

А я так и не смогла ему признаться про нас с Антоном. Его все щадили и оберегали: и мы с Антоном, и его родители, а друзей, кроме нас, у него не осталось. Вот пишу сейчас это непонятно зачем, и мне так невыносимо страшно от того, что он позвонит не сегодня-завтра в дверь, а я не смогу броситься ему на шею и не наберусь мужества рассказать правду.

Антон намеренно уехал на неделю в командировку, хотя

знал, что мне нужна его поддержка. Не нахожу себе места. Не сплю вторые сутки.

Владимир Васильевич

Десять лет я ждал этого дня! Десять гребанных лет провел в ненависти, сейчас это высшая точка накала всех моих чувств. И десять лет я представлял себе в подробностях каждое мгновение, оттачивал детали, проговаривал про себя и вслух наш диалог, смаковал сам момент встречи и ее конечный результат.

И вот он на свободе, убийца моего сына. Мой ТТ в боевой готовности. Хватит и для него пули, и для меня. Зачем мне жить? Кому нужна такая жизнь? Но первый – он. Бог ему судья, говорит мне мать. Какой такой бог?! Нет никакого бога. И я теперь ему судья. Сегодня он ответит за смерть моего единственного и любимого сына. И никто меня не осудит за это. Потому что я сумасшедший. Нет таких родителей, которые, потеряв своих детей, не сошли бы с ума.

Серезжа

Две минуты отдышаться и – в подъезд. В нашем окне горит свет, хотя только три часа дня. Ноябрь, низкое небо затянуто облаками, на улице будто вечер. Значит, Наташа дома. Набираю код, захожу в подъезд, поднимаюсь на второй этаж, стою перед дверью, не решаясь открыть своим ключом или позвонить. А дальше происходит вот что: дверь нашей квар-

тиры открывается, на пороге стоит жена, звучит выстрел, она хватается за плечо и оседает на пол. Все происходит как на замедленной съемке в плохом кино. Оборачиваюсь и вижу: на ступеньках стоит в шоке невысокий мужик лет шестидесяти, руки опущены, в правой пистолет. Я подхватываю жену и отношу ее в комнату. Она в сознании, говорит, что жжет плечо. На бледно-голубой кофте расплывается алое пятно.

– Скорую вызвать?

Она спускает рукав, и мы понимаем, что пуля лишь задела мягкие ткани.

– Я в порядке, попробую найти зеленку и бинты. Вызови милицию!

– Сейчас! – говорю ей, сам выбегаю на лестницу.

Мужик сидит на ступеньках, закрыв голову руками, пистолет валяется перед ним. Он не реагирует ни на мой крик, ни на меня. Замечаю, что он плачет. Я поднимаю со ступенек пистолет:

– За что?! Зачем ты в нее стрелял?

Мужик смотрит на меня по-детски, как нашкодивший ребенок.

– Отдай пистолет, второй выстрел для меня.

Я понимаю, что нужно вызвать скорую жене и что-то сделать с этим придурком, но не звать же его домой до выяснения обстоятельств! Он – преступник, но какой-то странный, не сопротивляется и не собирается убегать. Дед приподнимается со ступенек:

– Я в тебя стрелял! За Витальку, за сына моего, которого ты убил 10 лет назад.

– Не убивал я твоего сына! По одной причине мне пришлось взять вину на себя.

– Тогда кто его убил?

– Этого человека больше нет в живых, он погиб год спустя после вашего сына в автокатастрофе. Сел пьяный за руль...

– Зачем он убил Виталика, зачем он убил моего сына?

– Ты действительно хочешь знать все подробности? – спросил я.

Дед кивнул. Мне пришлось рассказать про бессмысленные бандитские разборки, про строительство заправки по Калужской трассе, про его Виталика, который владел большим пакетом акций и был вовсе не безгрешен. Виталик обманул своих компаньонов, а вместе с ними и много бедных людей, лишив их жилья. Один из влиятельных бандитов не захотел мириться с такой несправедливостью. Его мать потеряла жилье в злополучной новостройке, владельцем которой был Виталик. Дед плакал, закрыв лицо руками.

Я не стал вызывать милицию. Смысла в этом не было никакого.

Наташа

То, что сегодня произошло, можно назвать моим выздоровлением, как бы странно это ни звучало. Словно гора упала с плеч в прямом и переносном смысле. Когда этот безум-

ный мужик выстрелил в меня, я подумала, что он меня убил и это к лучшему, потому что не придется рассказывать ничего Сереже. Но ранение, к счастью, оказалось несерьезным.

После того, как я промыла рану и наложила повязку, мы сели на кухне и выпили коньяку. Молча. Потом еще. И еще. И я рассказала ему про Антона, что восемь лет с ним живу. А он говорит:

– Я знаю об этом, но почему-то себе выдумал, что если мы с тобой встретимся, ты попросишься с Антоном. Мне нужна была в тюрьме иллюзия, что ты все еще со мной, иначе у меня не было бы повода жить дальше.

А потом он собрался и ушел. Мы договорились встречаться.

Владимир Васильевич

Десять гребаных лет коту под хвост – сгорать от ненависти к человеку, который не убивал моего сына! Все верно, так мне и надо. Узнать правду о сыне своем и его настоящем убийце – что может быть худшим наказанием? Стрелять в одного невинного и попасть в другого, тем более в женщину, может только выживший из ума человек. Я самый глупый и самый несчастный старик в мире.

С этими мыслями я наконец-то вышел из этого злосчастного подъезда в Столовом переулке. На улице меня догнал Сергей.

– Вы это... не вините себя... Всех можно понять и про-

стить, забыть только сложно.

– Да, да, – кивал я, – жизнь моя кончена. Финал. И если бы я тебя убил, а потом себя, было бы гораздо проще, чем сейчас, когда я промахнулся и узнал правду.

– Так вот ваш пистолет. Чего уж там, можете попробовать со второго дубля. Мне тоже незачем жить. Понимаете, я сидел за чужое преступление, потому что прикрыл человека, который когда-то спас мою любимую жену. Я не мог поступить иначе. И все эти десять лет я ждал, когда мы сможем быть вместе. Иллюзии для выживания... А теперь их нет. В моем доме живет жена с моим близким другом и дочь, которая называет его папой. Кто я? А я призрак: ни жилья, ни близких, ни семьи... Стреляй, дед. А потом – в себя. Только не промахнись в этот раз. Ну же! Стреляй!

Я поднял сумку Сергея и сказал:

– Не выйдет. У меня остался один патрон. Пошли. Я недалеко живу, на Гоголевском, пешком дойдем.

Сергея

Странный получился день.

Убийца-неудачник дед предложил мне пожить у него, раз мне некуда идти.

Мы шли переулками, он расспрашивал меня про тюрьму. Я рассказывал только смешное, про усатую охранницу Тамару, про то, как мы играли в карты на одежду и еду. Дед хохотал, останавливаясь отдышаться. Оказавшись на воле после

стольких лет, мне самому эти истории казались выдуманными и очень смешными. Наверное, и этот день когда-то я буду вспоминать как веселое приключение.

Архангел Михаил

Первой иконой, которую мне разрешили писать, была «Архангел Михаил».

Так положено. Пишут сначала архангелов, Михаила или Гавриила. Я хотел сразу Богородицу или святого Георгия, он красивый, на белом коне. Ну, Михаил так Михаил. Прорись выбрал рублевскую, образ там самый благородный, строгий и нежный одновременно. Когда я стал ходить на иконопись, мои друзья отнеслись к этому с недоверием:

– Ты?! Иконопись?! Да не смей! Ты даже в церковь особо не ходишь. А тебя благословили? А у тебя есть на это право? А ты постишься, когда пишешь?

Я не первый и не последний, к кому пристают с такими вопросами, поэтому на первом занятии в школе нам всё это и разъяснили. Икона – это Библия в цвете, и мы ее изучаем. Иконопись – это учение об образе Бога в человеке. Есть ли у меня право знакомиться с Библией? Есть. Когда начинают давить, есть ли право этим заниматься, отвечайте вопросом на вопрос: а есть ли у тебя право быть матерью? отцом? Доски для иконописи нужны особые. Самые дорогие – кипарисовые. У нас в школе липовые и березовые с дубовыми шпонками. С лицевой стороны на доске углубление, называемое ковчегом. А по всей поверхности, на которой пишут, – левкас. На доску наклеивают паволоку и наносят особый бе-

лый грунт из мела, замешанного на рыбьем или заячьем жиру, с добавлением льняного масла. Целое дело, я вам скажу, пробовал, но получилось так себе, левкас высох, потрескался. Поверхность доски была неровная и непригодная для письма. Поэтому тут есть специалист – левкащик. Краски в иконописи тоже особые. Это природные минералы, глина и даже насекомые, растертые в порошок, которые разбавляются коктейлем из белого вина с желтком. Для тонких слоев добавляется вода, для прописывания контуров – нет.

Сначала образ переводится на доску. Потом специальным шилом, которое называется графьей, процарапываются контуры, циркулем обозначается нимб. Икона очень символична, каждый этап написания непременно с чем-то связан. Графья или начертание образа связаны с волей человека. Глина для нимба связана с материальной природой человека. Мы знаем, что первый человек Адам был сотворен из глины. В переводе с хибру «адам», «адóm», «адамá» – красный, земля или глина – однокоренные слова.

Нимб заливается жидкой глиной с клеем, когда высыхает, шкурится наждачной бумагой. А затем кладется листовое золото минимум 23 карата методом дыхания. Продвинутые иконописцы дышат на глину с молитвой. Это тоже символический момент. Так после сотворения Адама из глины Бог вдохнул в него дух свой. Золото относится к уму, а глина к сердцу. Нимб обводится красной линией, это венчик, альфа и начало пути. Дальше начинается работа с красками. Зеле-

ным пигментом, называемым «санкирь», заполняются лик и руки. Самое приятное занятие – раскрыш, или раскрытие иконы, когда заполняется цветом одежда и фон, движения кисточкой – круговые. Символика связана с первой ступенью создания мира – хаосом. Краски используются грубые, яркие. Но постепенно икона от темных красок переходит к светлым и чистым тонам, от тьмы к свету. Дальше на иконе создаются пробела, на одежде, на лице. После каждого пробела идет плавь. Я могу рассказывать об этом бесконечно, наверное, потому, что мне нравится такой волшебный и мистический процесс, как постепенно, слой за слоем на доске появляется образ.

Самый последний этап написания иконы это покрытие олифой. Первый раз весь процесс занял у меня три месяца. Я был горд собой, что у меня получилась красивая икона. Ехал домой со своим персональным Михаилом Архангелом и улыбался всю дорогу. Дома уже приготовил ему стену, куда повесить, но вспомнил учителя, который говорил, что иконы лучше ставить на полку. Высвободил от книг полку над диваном, протер от пыли. Все готово. Наверное, такие же чувства испытывает женщина, когда у нее рождается дитя. У меня нет детей, а вот чувство, что родился ребенок, – есть. Михаил.

У Мишки квартира на Столовом переулке, угол Мерзляковского, я там часто бываю. Он мой друг с самого детства. Мы на Покровском бульваре жили, вместе ходили в 661-ю

школу на Покровке, потом в один институт пошли, МАИ. Я закончил его, работал на «Салюте», который производил ракетные двигатели на твердом топливе. Мишка институт так и не окончил – на третьем курсе влюбился и сорвался. Учебу забросил, бегал на свидания с единственной девочкой на нашем факультете, Светкой Авдеевой. Они как-то очень быстро поженились и обзавелись двумя детьми-погодками.

Мишка устроился на работу к отцу в «Ремонт бытовой техники», а позже раскрутил собственное дело. Начал с холодильников и морозильников, а дальше стал привозить в Россию *Bosh, Miel, Zanussi*. Хороший бизнес: люди всегда покупают стиральные машины, холодильники и пылесосы. А в кризис продукция дает еще больше прибыли. Советский менталитет наш никак не убить, а вдруг снова дефолт, самое надежное – купить новый холодильник-телевизор-микроволновку.

И вроде все у Мишки было хорошо, и семья дружная, и достаток более чем. А потом как-то начало все разваливаться, одно за другим. Сначала ушла жена. Но не просто так ушла, развод и девичья фамилия. Она бросила Мишку и детей и уехала в Германию. Влюбилась в немца. Не могу поверить, что такое вообще возможно, это же немцы, мы их генетически по определению не можем любить. Потом бизнес его как-то пошатнулся. Рынок теперь принадлежал крупным компаниям, и Мишка со своей небольшой фирмой стал тонуть. У нас с ним в одно и то же время все случилось.

У меня вот что. Первая моя икона настолько меня радовала, что я обязательно стоял утром возле нее и просил архангела Михаила защищать меня от всех бед. Так и было. Я не заболел, даже когда вся контора свалилась с гриппом. Я не сел в машину с друзьями, решив пройтись пешком, а они попали в аварию. А когда, помните, в Казани самолет разбился, я должен был лететь этим рейсом, но накануне сильно отравился и поменял билеты. А по мелочам даже и говорить не буду.

В тот Новый год я ездил к семье брата на Кипр. Обосновались там лет шесть назад, прижились и возвращаться в Россию не собираются. Они свозили меня в монастырь Святого Неофита, что под Пафосом. Место тихое и красивое. Там я познакомился с местным иконописцем Кростосом Димитриосом. Уровень английского у нас одинаковый, но мы хорошо понимали друг друга. Он мне рассказал, что учился иконописи в монастыре. Учитель-монах его бил, если тот плохо выводил линии. И спрашивает: «А вас бьют на иконописи?» Я хохотал до колик в животе. У нас учитель – прекрасная молодая женщина, очень умная, веселая, с хорошим чувством юмора, совсем не зануда. Она добрая, к своим ученикам относится с любовью и терпением, а бывают, я вам скажу, такие, что, будь я на ее месте, подзатыльники бы отвешивал точно.

Мы сидели в его мастерской, разговаривали и пили кофе. Вдруг упали свечи с подсвечника, загорелась бумага. Кри-

стос просто взял и плеснул кофе на огонь, как бы между прочим:

– Да ну их! Я не обращаю внимания.

– На что? – спрашиваю.

– На них. Тут постоянно что-то загорается, падает, летает. Иконопись это такое дело... Но я их не боюсь, пишу все равно.

Я показал Крестосу фотографию моей первой иконы. Он похвалил и сказал, что я еще много напишу, а это не первая икона, а нулевая. Так говорят.

Домой прилетел перед Рождеством. Открыл дверь, которая как-то странно поддалась, вроде на два оборота ключа закрывал. Зашел и ахнул. Все вверх дном, матрас перевернут, одежда из шкафов выброшена. Я бросился к столу, там «ролекс», подарок от отца. Какое там, ни часов, ни ручек, даже зажигалок не осталось. Украли паспорт российский и страховой полис и денег немного, тысяч двадцать. На стене нет плазмы, утащили кофемашину и утюг. Бред какой-то... И тут я бросился к стене, где полка с иконой. Пусто. Ну как же так, архангел Михаил! Как же ты так не уберег ни квартиру мою, ни себя? Я очень расстроился. Мне было жаль «ролекс», жаль какие-то свои рубашки *Etro*, и галстуки, и плащ, да все было жаль. Но самое главное – икону украли. Там столько труда, и она моя, мой ребенок.

Конечно, я написал заявление в милицию. Там сказали, что это наркоманы, что пасут тех, кто на праздники уезжает.

Вряд ли найдут, но если что – сообщат. Звоню Мишке, а он мне, мол, чувак, пусть будет это самое страшное, что с тобой произошло. Светка увезла детей в Германию, навсегда, я дал им разрешение, не могу вести с ней войну, дети пострадают. Я банкрот, и у меня обнаружили опухоль. Я так и сел: что значит опухоль? Может, ничего страшного, может, вырежут, и все обойдется... Я очень переживал за Мишку, но утешать его мне как-то не хватало слов. Мы напились с ним в хлам, поныли друг другу. Ему, правда, было о чем ныть.

В феврале Мишке делали повторную операцию на Каширке. Я в это время был в одном офисе на Соколе по работе. Закончив дела, решил заскочить в церковь. Служба уже закончилась, в храме оставались несколько посетителей да бабушки, что отскребают свечной воск с полов. Я мысленно помолился о Мишке, чтобы все прошло хорошо, и спросил у старушки, какому святому поставить о болящем.

– Так вон Пантелеймону ставьте. А зовут как?

– Меня? – удивился я.

– Болящего вашего.

– Михаил.

– Ну вон Михаила Архангела просите, он защитник, тоже помочь должен, – и она махнула рукой к стене возле окна.

Там стояла икона. Когда я подошел поближе, то не поверил своим глазам. Это была моя икона, мой «Архангел Михаил». Я вскрикнул от радости: «Это она!» Потом долго стоял и улыбался, просил о Мишке и расспрашивал, как же ты

сюда попал, мой «Архангел Михаил»? Старушка провожала меня взглядом, как юродивого, с благообразным почтением.

В воскресенье я снова вернулся в эту церковь. У моего «Михаила Архангела» стоял букет цветов. После службы я спросил у священника, откуда у вас эта икона?

– В дар принес мужчина, имени не назвал. Икона хорошая, написана современным иконописцем, но в каноне, школа хорошая, по рублевской прориси. А что?

– Нет, ничего, – сказал я. – Спасибо.

Мишка поправился. Все у него хорошо. После химии он быстро пришел в себя. Я за компанию с ним подстригся налысо. Мы ездили на рыбалку на Волгу, пока он был на больничном. Поймали штук пять лещей и щуку. Светка с детьми через полгода вернулась. Я ж говорю, немцев невозможно любить. Мишка ее простил. Бизнес мы построили с ним новый, у нас теперь интернет-магазин запчастей. А все свободное время я пишу иконы.

Любовник

У меня есть любовник. А что тут такого? У многих моих подруг он тоже есть. Скажете, аморально? Ну и что? На свете полно других более страшных вещей, как, например, агрессия, войны, убийства, преступления разные, да мало ли... Мы знакомы с ним давно, пять лет. Каждый раз, когда мы встречаемся, он клянется мне в вечной любви, а потом возвращается домой и ест борщ, приготовленный женой.

– Кушай, милый, наверное, проголодался на работе?

– Угу... Подлей еще.

Конечно, я его так выматываю, что одной тарелкой борща не наешься.

– Мяска подложить?

– Угу... Вкусно!

Еще бы! Я-то ему не готовлю. Максимум могу предложить стопку водки или рюмку текилы. Если бы он был моим мужем, то я, вероятно, научилась бы готовить что-нибудь китайское или японское, рис для сердца полезен. И выходила бы в кимоно, как настоящая гейша.

– Еще sake, дорогой?

Халат японский у меня уже есть. Когда я его надеваю на голое тело, покрытое капельками воды, японский шелк долго на мне не задерживается. Мой любовник дергает за пояс, и воздушная японская конструкция стекает на пол.

Мы встречаемся, когда у него есть время для меня, а не когда мне этого хочется. Занятость на работе, семья, обязательства, а как же! Но я терплю. Мне хорошо с ним.

Самое унижительное это когда я ему звоню, а жена с ним рядом, и он мне говорит: «Вам какого Сергея Петровича? Вы не туда попали». Или «Опять вы без меня справиться не можете? Квартальный отчет завалили! Хорошо, выезжаю. Буду через час, и чтобы документы лежали у меня на столе!» Вот тут я, конечно, смеюсь: «На столе, на столе... В кровати-то уже приелось, да?» Но он кладет трубку – и выезжает.

Жена на прощанье смахивает с его пальто пылинки и щебечет:

– Ну что это такое, Лёнь, в выходные и на работу вызывают?! А мы на дачу собрались...

– Работа есть работа.

Конечно, праздники, когда мне особенно хочется быть с ним вместе, он проводит с семьей, святое дело. Но всегда заранее дарит мне подарки. Накануне обычно спрашивает:

– Что тебе купить?

Я говорю:

– Мне ничего не надо. Ни шоколада, ни мармелада. Купи мне духи «Шанель Шанс».

– Заказ принят.

Он заскакивает накануне праздника, вручает цветы и духи, рассыпаясь в признаниях:

– Ты – свет моих очей. Ты – цель моей жизни. Ну, я побе-

жал. Едем всей семьей на дачу.

Так красиво начал и так все опошил своей дачей. Швыряю духи в мусорку, вслед за ними – цветы. Дерьмо! Реву с полчаса. Жалею себя, ненавижу его. Жалею его, ненавижу его жену. Жалею жену, люблю его. Достаяю из мусорки букет, подрезаю сломанные стебельки роз. Из семи остается пять. Флакон духов цел, брызгаю любимый аромат на шею и запястья.

Конечно, я могу его бросить. Скажу так: «Между нами все кончено!» Но он же не мальчик, бегать не будет. Пострадает несколько вечеров, может даже недель, да и смирится с ситуацией. Вечером ляжет на привычное супружеское ложе, прижмет к себе жену, ухватив ее за мясистую грудь, и сладко заснет. Вот это и есть, наверное, семейное счастье! А он зачем-то ко мне бегаёт, страсть себе придумывает!

Ставлю розы в вазу.

Он приезжает в понедельник и говорит «как же я соскучился, все время только о тебе и думал», и мы неспешно занимаемся любовью. Он уезжает. Я прибираю съемную квартиру и еду домой.

Открываю ключом дверь. В коридор выкатывается инвалидное кресло, в нем сидит мой муж:

– Душа моя, я нассал в штаны, тебя не было пять часов!

Пон Бютан

Пон Бютан это самый известный мост в Женеве, не считая, конечно, моста Монблан в самом центре, с флагами, который соединяет правый и левый берег города. Пон Бютан через реку Рон расположен в районе Гранд Ланси по дороге в аэропорт. Туристы о нем не знают.

Чем он знаменит? Это мост самоубийц. Раз в несколько месяцев с него бросаются в бурлящий бирюзовый Рон отчаявшиеся и потерявшие надежду. То и дело на мосту лежат живые цветы. Лето в этом году было дождливым и холодным. За весь июнь только неделя выдалась солнечная. Как тут не впасть в тоску? Разве что пить.

На мосту, ссутулившись, стоял невысокий парень в черной короткой куртке. Он нервно поправлял непослушную челку и смотрел куда-то вдаль, вдруг резко вскочил на заграждение, покачнулся, но не упал.

Машины на мосту стали останавливаться. Кто-то снимал парня на телефон. Он стоял какое-то время неподвижно, но никто к нему не подходил, всем было интересно, спрыгнет ли он вниз. И важно было успеть заснять его и выложить на Ютубе, в Инстаграме, послать всем своим знакомым, после этого смотреть весь день, сколько поставят лайков.

По мосту шла маленькая, немного кукольная женщина с короткой стрижкой в клетчатом пальто. Если бы не седые

волосы, на вид ей можно было дать лет 35, не больше. Увидев парня, она остановилась на расстоянии, а потом нерешительно двинулась в его сторону.

– Макс, это ты?

Парень обернулся, но ничего не ответил.

– Макс, слезай. Чего удумал, поговорим... Сынок, ну будет уже. Не дури.

– Какой я вам Макс?! Я Льюис, Льюис, слышали? Проваливайте отсюда, не загораживайте, меня на телефон вон те придурки из черного «рено» снимают, завтра я буду звездой Ютьюба, – он расхохотался и повернулся лицом к реке.

– Послушай, сынок, я была неправа, не поняла тебя, я долго тебя не понимала, всё на себе была сосредоточена. Я же хотела как лучше, думала, тебе отец нужен, поэтому и вышла замуж за Жака.

– Вы в своем уме?! Какой Жак, какой отец? Я вас впервые вижу! Вы мне мешаете. Идите куда шли, ей-богу, мне не до вас и вашей личной драмы!

– Ну как же, Макс, сынок... Жак тебе был больше чем отчим, он тебя сыном называл, а ты его никак не принимал. А помнишь, как мы в Тунис ездили вместе? Ты на верблюде катался. А как мы фондю в Шамони ели, помнишь? Жак еще тогда вина тебе налил, а ты выпил и заснул за столом. Сколько тебе лет-то было, десять?

– Мадам, отойдите, – закричал Льюис, – не приближайтесь, вы мне не поможете этим бредом! Я устал! Я хочу по-

скорее прыгнуть, вы мне мешаете. Мне нужно сосредоточиться!

– Нет, Макс, не надо, не надо, милый, давай попробуем на этот раз справиться, попробуем вместе, я найду хорошую частную клинику в Монтрё, хочешь в Монтрё? Там, где Фредди Меркьюри лежал, хочешь? Там дорого, но мы дом бабушкин продадим, покупателей сейчас много. Ты справишься! Я буду каждый день приезжать, буду печь твой любимый тартатен из самых сладких яблок, а, сынок? Пожалуйста, ну что мне такого сделать, чтобы ты мне поверил, что все будет хорошо, все наладится, ты обязательно поправишься. Мы поедем зимой на юг Франции, в Менто-ну, там праздник *Fête de citron*¹...

Женщина плакала, почти выла.

– Вы мне надоели! Ничего не знаете обо мне, ничего! Мне не нужна клиника, я не псих и не наркоман, я просто устал, слышите, я устал от этой гребаной жизни, от людей, звуков, от того, что в этой жизни ничего не меняется и миром правят деньги. Ты никто без денег, никто, зеро! Я не вижу цели, не вижу света, мне ничего не хочется, я даже бабу не хочу, понимаете? А мне 25 всего. Это никуда не годится жить без цели! *Je suis fatiguée!*²

Льюис повернулся, чтобы спрыгнуть на мост к ней, но поскользнулся и полетел вниз. Слышен был его крик, крик жен-

¹ Праздник лимонов (фр.).

² Я устал (фр.).

щины, всплеск воды.

У берега сразу появились люди, двое прыгнули в бурлящий стремительный Рон. Из-за деревьев выбежали человек пять и в напряжении смотрели на воду. Наконец Льюис вынырнул на поверхность и энергично поплыл против течения. К нему подплыли двое мужчин и сопровождали до самого берега.

Люди аплодировали. Какая-то девушка стояла с полотенцем и сухой одеждой. Бородатый человек закричал: «Стоп! Снято!» Льюис выбрался на берег, скинул с себя мокрую одежду и стал быстро растираться белым полотенцем.

– Кого вы мне подослали? Я не знаю эту актрису! Мы так не договаривались, пришлось полностью импровизировать. Я так вошел в роль, что уже был готов слезть с моста и продолжить разговор!

– Мы никого не посылали, это была случайная прохожая. У нас и актрис тут нет, ты один, – сказала девушка, которая принесла полотенце, – и прыгать было не обязательно, мы же договаривались! Слишком рискованно: течение сильное и высота 15 метров!

– Это ты мне говоришь? Спасибо, только что поплавал, знаю. Я поскользнулся, твою мать! Сигарету дайте! – Льюис дрожал от холода.

Он закурил и посмотрел на мост, откуда только что неудачно свалился. Тело болело, он сильно ушиб обе ноги и ободрал спину.

На мосту стояла женщина. Она больше не кричала. Она думала о своем сыне Максе, который прыгнул с этого моста в прошлом году. Это всё проклятые наркотики, чудовищные ломки, ее бессонные ночи и парализующий страх, который неотступно следует за ней многие годы.

Она приходит к мосту каждый день. И пытается его отговорить, пытается ему помочь. Слишком поздно. Но она все равно приходит – а вдруг получится?

Льюис докурил сигарету, бросил окурочок в реку и направился к машине. Женщина смотрела вниз на его удаляющуюся фигуру и бормотала себе под нос: «Слава Богу, выплыл... это хорошо... вот видишь, все обошлось... тебе будет лучше, сынок... я знаю, мы справимся».

P. S. В 2018 году на мосту Пон Бютан установили металлические ограждения. Прыгнуть с него стало невозможно.

Пятидневка

Зеленая краска может быть серой, если поскрести чуть-чуть и отковырнуть. За серой краской может быть желтая или голубая. Лежать весь тихий час лицом к стене несложно, трудно засыпать вечером у этой же стены. Перед сном хочется обнять маму, прижаться к ее большой груди и принюхиваться к запаху пота. А дальше слушать сказку про Карлика Носа, поправлять ее, если она пропускает что-то важное, и подсказывать имена.

Кто-то же придумал эти пятидневки? Очень больно в горле, будто комок застрял.

Вечером почему-то всегда очень страшно. От того, что серая краска не поддается, а так хочется понять, что там за серой? От того, что воспитательница разговаривает с какой-то женщиной и кажется, будто это мама пришла. Но в спальню не заходит и не забирает меня.

Дети такие шумные, их много. Они любят кричать и бегать. Хорошо, что есть зеленая стенка. Можно сесть у нее и смотреть на всех. Лучше всего учить дни недели на пятидневке. До среды все не важно, но после среды идет четверг, за которым стоит пятница, очень хороший день, когда вечером приезжают родители.

Это день, когда начинаешь говорить с непривычки медленно, удивляясь своему голосу.

Но иногда пятница приходит зря.

Ничего не остается, как ждать субботу, когда наверняка за тобой кто-нибудь приедет.

English couple

3

Со стороны, конечно, может показаться, что все у них ладно, они даже за руку вместе ходят. Если она не берет палочку, то ей нужно на кого-то опираться. Они могли бы спокойно сойти за пару живущих душа в душу пенсионеров.

Тут правда лишь в слове «пара». Между ними ничего больше нет, кроме тихой ненависти, недовольства друг другом и обреченности.

Она не готовит ему – покупает консервы и полуфабрикаты. Вываливает брезгливо в миску разноцветное нечто и ставит разогревать в микроволновку.

Он так же без удовольствия ест. Она отворачивается, чтобы не видеть, как жирная капля медленно спускается из уголка его узких губ к подбородку. Ей хочется закрыть уши, чтобы не слышать чавкающий звук от зубного протеза, который он достанет и облизнет после еды.

И так изо дня в день, утром, в обед и вечером.

Она разложит перед завтраком свои таблетки и спрей от астмы, он цыкнет, мол, весь стол заняла.

Они исправно ездят отдыхать на юг несколько раз в год по две недели, но в море не купаются. Сидят у бассейна молча каждый со своей книгой.

³ Английская пара (англ.).

Обычно берут по две книги на каждого, чтобы было чем заполнить день. Она читает и улыбается: море любви, интриги, столько испытаний и счастья, невозможно оторваться. Он погружен в историю жизни Наполеона Бонапарта, это был настоящий герой, таких больше не осталось на земле, нет.

Спать идут за руку, поддерживая друг друга. Он бубнит себе под нос что-то про слишком обильный ужин, она вздыхает.

Ее тягостный вздох это почти отдельный персонаж, который живет внутри нее полвека и никак не вырвется наружу криком, болью, истерикой, а выходит безмолвным намеком – астмой.

А когда-то они кружили в танце в одном из баров Лондона во времена Элвиса. Потом шли домой пешком целый час, курили и целовались на мосту через Темзу.

Это было давно и не про них.

Последние годы они почти не разговаривают. А зачем? У каждого свой мир книг, воспоминаний и страхов, своя комната и своя кровать. Сколько еще осталось таких совместных дней, одному Богу известно.

Киевский вокзал

Каждый раз, случайно или не случайно оказавшись на Киевском вокзале, я невольно вспоминаю историю, которая произошла со мной более двадцати лет тому назад. Это была, безусловно, история любви, которая настигает человека неожиданно, в самом неподходящем месте в неподходящее время.

Такие истории не длятся долго, но становятся самыми яркими событиями жизни.

Мне было двадцать два. Жизнь представлялась светлой и радостной несмотря на то, что я обитала в очень стесненных условиях в комнате в общежитии. После окончания Харьковского педагогического института по специализации «русский язык и литература» я была несказанно рада, получив место учителя в подмосковной школе.

Моя родная тетя жила в Москве одна в трехкомнатной квартире и звала меня к себе. Конечно, мне хотелось обжиться в столице русской речи, но с тетушкой у нас отношения не заладились, да и работу в Москве без прописки найти сложно. А вот учительницей в поселковую школу с окладом в 80 рублей меня взяли с радостью. Директору я понравилась, но остальная часть учительского коллектива считала меня синим чулком, лимитчицей и тихоней.

Они были уверены, что я не справлюсь со старшеклассни-

ками. Как ни странно, 9-й класс ко мне отнесся если не с любовью, то по крайней мере с уважением. И даже самый шумный 10-й класс был укрощен моим тихим голосом и плавностью речи. Кричать я по сей день так и не научилась. Все дни с утра до вечера проводила в школе, взяв классное руководство в 9-м классе.

Домой приходила уставшая и, съев булочку с кефиром, садилась за проверку домашнего задания. Ложилась уже за полночь в свою холодную узкую кровать и даже не задумывалась перед сном, а нужно ли мне все это, устраивает ли меня такая жизнь? Правильно ли я сделала выбор, посвящая свои молодые годы этому нелегкому труду? Я просто ложилась, поворачивалась к стене и, подминая под себя подушку, засыпала. Нередко снилось, будто я несущу домой непроверенную стопку тетрадей и вдруг налетает ветер. Тетради разлетаются, падают в лужи. Собираю их и плачу: «Что же я завтра детям скажу?!» Сажусь прямо на ступеньки школы, перебираю промокшие грязные тетрадки, открываю первую попавшуюся и на самой первой странице читаю: «Женя, я тебя люблю».

Предательски звенит будильник, выдергивая меня из сна. Шесть утра. Я бегу умываться по коридору общежития. На плече маленькое вафельное полотенце, в руках кусок мыла. Тороплюсь в надежде оказаться первой. Но нет. К умывальнику уже выстроилась очередь.

Пью крепкий чай. Поправляю длинную зеленую юбку в

большую серую клетку, застегиваю синий плащ и выбегаю. Отклонившись от темы урока, с удовольствием рассказываю детям про Гумилева и Ахматову, о других писателях Серебряного века. Раздав листочки с переписанными от руки стихами Николая Гумилева, я предложила им прочесть самые главные строки о любви.

– Любви к Родине? – спросил кто-то с задней парты.

– Ну почему же? Любви к женщине.

Ребята захихикали, щеки девочек покрылись румянцем.

Вечером я обнаружила в почтовом ящике письмо из Харькова от бывшей своей одноклассницы Тани Петушко о том, как после окончания техникума легкой промышленности она работает на базе кожгалантереи, что иногда импорт завозят, сумки, перчатки югославские, обувь. По вечерам они с Ленкой Власовой на дискотеки ходят. Про парней писала, что у нее уже третий. Мамка, если узнает, что она с ним спит, убьет, конечно, но ей так нравится! Я читала, невольно исправляя ошибки красной ручкой. В конце листа поставила двойку, отложила письмо в сторону и почему-то заплакала.

Мне вдруг показалось, что, несмотря на сотню детей, которые меня уважают и называют по имени и отчеству, я бесконечно одинока. Захотелось на один день стать Танькой, ходить по базе кожгалантереи, выбирая себе модные обновки, а вечером, густо накрасившись, пойти на танцы, стоять в углу с подружками, курить и громко смеяться. А потом танцевать медляк с высоким парнем с выкрашенной челкой и в

ту же ночь с ним переспать. «Жень! У тебя на плите что-то сгорело!» – закричала моя соседка по общежитию, я сунула письмо в карман фартука и побежала на кухню. В пятницу вечером решила съездить к тете в Москву. В субботу у нее намечался день рождения, и она пригласила на пироги. Прихватила с собой тетрадки, чтобы за выходные успеть проверить, и села на электричку до Киевского вокзала.

Напротив меня расположился парень лет двадцати шести – двадцати восьми, а рядом с ним приткнулся пьяненький мужичонка, от которого за версту несло перегаром. Под монотонный перестук колес мужичонка засыпал и заваливался на парня, просыпался, извинялся, икая, потом снова ронял голову на плечо молодого человека.

Я наблюдала эту картину и невольно улыбалась. Другой бы брезгливо оттолкнул пьяного или пересел. А этот молодой человек так и вез его у себя на плече до самой остановки.

Выйдя из вагона, я нырнула в людской поток. Парень нагнал меня у самого входа в здание вокзала.

– А ты что, учителька?

– Да. Заметно?

Он посмотрел на пачку тетрадей под мышкой.

– Заметно.

Мы разговорились и познакомились. Он рассказал, сколько ему лет, что он работает в Москве, а ездил в Серпухов на объект в командировку. Я деловито кивала.

Он попросил номер моего телефона, но у меня не было

телефона. Мы смотрели друг на друга, улыбались, а потом я сказала:

– Мне пора.

– И мне.

– Приятно было познакомиться.

– И мне.

Последующие дни я вспоминала об этом случайном, ничего не обещающем знакомстве, и у меня было просто хорошо на душе. А через две недели прямо посреди урока он открыл дверь моего кабинета. В длинном стильном черном пальто, небрежно замотанный красным шарфом, с модной стрижкой, он походил на актера зарубежного кинофильма.

– Можно тебя на минуточку?

Что началось в классе! Мой 10-й «Б» свистел, хлопал в ладоши и улюлюкал. Раскрасневшаяся, я вышла в коридор:

– Вот тебе ключи от комнаты. За углом школы общежитие. Подожди меня там. Через 20 минут буду.

– И ты вот так запросто отдаешь малознакомому человеку ключ от комнаты? А вдруг я что-нибудь украду и сбегу?

Я засмеялась:

– Ну и укради. Кроме тетрадок, ничего ценного там нет.

Когда я наконец-то утихомирила детей, прозвенел звонок. По ступенькам я не бежала – летела. Отдышавшись, вошла в комнату. Он стоял у окна и смотрел во двор на груды металлолома. «Живописнее» вида из окна в моей жизни, слава богу, потом никогда больше не было.

– Как ты меня нашел, ведь я не сказала, ни в каком поселке живу, ни в какой школе работаю?

– Я запомнил, на какой станции ты вошла. А дальше обошел все три школы поселка. В третьей тебя и нашел, все просто. Можно я тебя поцелую?

– А зачем? – спросила я.

– Затем, что мне очень хочется это сделать.

Я ничего не ответила.

Он расстегивал дрожащими пальцами пуговицы на блузке, разоблачая мой девичий хлопчатобумажный бюстгалтер, а меня почему-то ничего не смущало. Наверное, я просто влюбилась. И только когда мы уже сидели за столом, пили чай и я разглядывала его красивые длинные пальцы, сверкнуло на солнце обручальное кольцо. И как же я его раньше не заметила?

Он поймал мой взгляд:

– Я женат, сыну три года.

Тогда я не знала мужчин, и уж тем более не знала, что такое женатые мужчины. Он сказал несколько слов о жене, и я сразу поверила, что он ее не любит, а живет в семье ради сына, у которого слабое здоровье, носовые кровотечения и его жизни время от времени угрожает опасность.

Спустя многие годы я потом не раз сталкивалась с подобными объяснениями мужской неверности. Почему-то никто ни разу не сказал правду, примерно такую: жену люблю, детей люблю и никогда не брошу. Просто захотелось чего-то

новенького, как после черной икры вдруг тянет на черный хлеб и отварную картошечку.

Тот факт, что Андрей оказался женат, придавало нашей истории какую-то трагичность, романтизм и восхитительную неопределенность. Он приезжал ко мне на первой пятичасовой электричке. Мы набрасывались друг на друга и любили словно в последний раз. В 7.30 он убежал, чтобы успеть на работу в Москву, а я пила чай и, счастливая, неслась в школу. Ученики и учителя перешептывались – мне было все равно. Я была влюблена.

Однажды он сказал, что твердо решил уйти от жены и мы будем жить вместе. Я прыгала от счастья. Но через неделю он плакался на моем плече, что жена, узнав об этом, вскрыла себе вены, а его мать заявила, что не захочет его больше знать, если он посмеет бросить семью.

А потом он неожиданно исчез. Просто однажды не приехал – и всё. Я ждала его и места себе не находила. Он не приехал ни через день, ни через неделю. Что-то случилось, что-то случилось, что-то случилось... – крутилось в голове. Мобильные телефоны появятся только через десятилетие, городского у него, как и у меня, не было. И тогда я поехала в Москву и через адресное бюро отыскала адрес его матери.

Мне открыла дверь ухоженная пышнотелая женщина, выкрашенная гидроперитом, в больших бигудях, торчащих из-под косынки в горох.

– Я знала, что ты придешь, – сказала она мне с порога.

– Скажите одно, он жив? – спросила я.

– Жив! И более того, у него все хорошо, у него прекрасная жена и дружная семья. Милочка, все мужчины одинаковы, уж поверьте мне. Да, и еще, его жена ждет второго ребенка.

Ноги стали ватными, голова закружилась, еще одно ее «ободряющее» слово, и показалось, я потеряю сознание. Но я улыбнулась и сказала:

– А, может, я тоже жду...

Хлопнув дверью, сбежала по лестнице, оставив несостоявшуюся свекровь наедине с ее победой-поражением. Внизу опустилась на ступеньки и разрыдалась.

– Угостить папироской? – спросил проходящий мимо бомж.

– А давай!

Я закурила впервые в жизни и закашлялась. Бомж рассмеялся:

– Вот дуреха! Водки хошь? А перепихнуться на чердаке? Там тепло.

– Да ну тебя, – и выбежала из этого подъезда прочь.

Дома я все рассказала маме, которая приехала с Украины погостить у тетки. Она ничуть мне не посочувствовала, а, напротив, очень прагматично все объяснила:

– Даже не думай реветь – он просто тобой воспользовался. Жена секса ему не дает, вот он с тобой и спал.

Может быть, от того, что ее объяснение было настолько банальным, я как-то быстро успокоилась. Через месяц тетя

меня забрала к себе и помогла устроиться в школу в соседнем дворе. На этом и закончилась бы история моей любви, если бы несколько дней назад я случайно не встретила его снова спустя 22 года на том же месте, где мы и познакомились.

Впоследствии став журналисткой, я брала интервью у одной пожилой светской дамы, которая не пожелала тащиться в город ради трех строчек о ее жизни в модном глянцево-м журнале. Интервью переросло в чаепитие. Дама оказалась не только интеллигентным человеком, но и восхитительным собеседником.

– Ну а первую любовь свою помните? – спросила я.

– Конечно! А как же! Она на то и первая, чтобы ее помнить всю жизнь. Я тогда работала учительницей в деревенской школе. Он был женат и старше меня на пять лет.

Знакомый сюжет! Уже под вечер, опрокинув по паре рюмочек смородиновой самопальной настойки, мы хохотали, обсуждая светские сплетни. Ее муж подвез меня к электричке, и через час я вышла на перроне Киевского вокзала. Каково же было мое удивление, когда я увидела Андрея! Мы, как оказалось, ехали с ним в одной электричке, в одном вагоне. Сердце, как ни странно, не забилося быстрее, душа не заняла, но подойти захотелось, ведь жизнь так скудна на сюжеты. Пересилив легкое волнение, спросила:

– Молодой человек, вы меня не узнаете?

– Нет, простите, я вас не знаю.

– Совсем не узнаете?

– Перестаньте играть со мной в прятки и представьтесь, наконец.

– Ну вот, – сказала я кокетливо, изображая легкую обиду, – в пять утра ко мне бегал, а теперь даже не узнает.

– Боже мой, – воскликнул он, – как ты изменилась!

– Надеюсь, в лучшую сторону? – кокетничала я.

Он схватил меня за руку:

– Женечка! Это совершенно невероятная случайность! Пойдем куда-нибудь, поговорим в спокойном месте.

Мы сидели в ресторане рядом с вокзалом, он рассказывал, что давно живет за границей, в Москве бывает редко, в последний визит полгода назад сильно заболел двусторонним воспалением легких... «И тогда мать, сидя у моей кровати в больнице, говорила, что ее Бог наказывает. А я ведь тебя искал. Мне пришлось без предупреждения уехать в Куйбышев, мать просила побыть с больным дядькой. Взял отпуск и уехал. Я знал, что ты будешь страшно переживать, но был абсолютно уверен, что, когда мы снова увидимся, ты меня поймешь и простишь. Приехал через месяц, а мне твои барышни сказали, что ты уехала в неизвестном направлении. А лет десять тому назад, когда мать тяжело заболела, она рассказала мне всю правду, что ты меня искала, что приходила к ней и была беременна. Ты замужем?»

– Да, я замужем, и у меня взрослый сын.

– Когда он родился?

– Андрюша, это не твой сын. А ты? Ты-то как? У тебя двое детей?

– Нет, почему ты так решила?

– Мне твоя мама сказала, когда я приходила, что ты вернулся к жене, она ждет второго ребенка и вы счастливы.

– Да-а-а... вот какие интересные вещи узнаешь спустя двадцать с лишним лет о своих близких, – сказал он, посерьезнев.

Телефонами мы не обменялись.

– Раз мы встретились второй раз, встретимся и третий, – пошутила я.

– Ты учителька до сих пор?

– Учителька, учителька...

Слава богу, он бывает в России редко и не знает, что я довольно известный человек и найти меня при желании не так уж и сложно. Каково же было мое удивление, когда к нам в издательство пришли несколько человек дать интервью на тему «Русские за границей». Среди них был Андрей.

– Ну что, учителька, поговорим?

Велогонка

Первый велосипед у меня появился, когда мне было года четыре. Хорошо помню, как мамочка с папочкой спорили, какой велосипед покупать – трехколесный или двухколесный с двумя маленькими съемными колесиками. Мама была за трехколесный, он безопаснее. Но папа был против – несерьезно.

Когда мне привезли двухколесный велосипед, я визжал от радости. Сел на него, но тут же упал. Сел снова, проехал немного и опять упал. Через два дня я уже обгонял соседского Пашку, а ему было восемь.

Я лучше всех катался у нас во дворе. В 14 я легко скакал на заднем колесе и делал такие трюки, которые никто не мог сделать.

Сейчас мне 23, и я участвую в велогонке.

В нашей группе 20 человек. Тренировки три раза в неделю по три часа. Сложно, конечно, но никто не жалуется. Соревнования назначили на 14 октября. Думаю, я приду третьим.

Первым точно придет Жак. Он бывший чемпион Франции среди юниоров, и у него гипертрофированная жажда победы. Вторым наверняка придет Льюис. Он бразилец. На соревнованиях за него всегда болеет его девушка, и он очень старается стать первым. Но, к сожалению, это почти невозможно, потому что есть Жак, а Жак всегда первый. Третьим

приду я. У меня нет девушки, которой надо доказывать, что я лучший, и я не бывший чемпион Франции.

И вот день соревнований. Дороги в окрестностях перекрыты, пробки жуткие.

На старт. Внимание. Марш!

Я кручу педали руками. Педали впереди прямо перед носом. Велосипед у меня длинный и особенный. У каждого из нас необычные велосипеды, сделанные индивидуально. Дело в том, что это соревнование инвалидов. Я еду лежа, а педали кручу руками. У меня парализована нижняя часть туловища. У Жака ампутированы обе ноги по самую задницу. У Льюиса ноги заканчиваются чуть выше колен. Самый крупный из нас Давид, он новичок, и велосипед у него такой же, как у меня.

Я обогнал сначала Люка, у него церебральный паралич. Он для удовольствия участвует, и поэтому для него победа это само участие. Впрочем, как для всех нас.

На третьем круге обгоняю Льюиса. У него руки в крови. Он не педали крутит, а колеса своего автотранспорта, похожего на гоночное инвалидное кресло.

Жак в поту идет первым, я – вторым. Позади меня Саманта в лежачем, у нее парализованы ноги, зато руки как у приличного качка. На тренировках она упражняется с гантелями. Если бы не дурацкий дальний свет фар на трассе, который ослепил ее, она не потеряла бы пять лет назад управление автомобилем и сейчас ходила бы на каблучках в ми-

ни-юбке, и все мужчины оборачивались ей вслед.

Теперь мужчины кричат: «Саманта, давай!!!» Муж орет во все горло, болеет за нее, а она крутит педали сильными мускулистыми руками и обгоняет меня.

Жаку когда-то не повезло. На черной трассе в туман сзади в него врезался на полной скорости сноубордист, прямо под колени. Кости были просто раздроблены. Ноги собрали по частям, но ничего не прижилось, началась гангрена, и Жаку отпилили их по самое мужское достоинство.

Александру нет еще восемнадцати. Он сильно комплексовал, когда пришел к нам первый раз. Говорил, что не сможет, руки слабые, одной ноги нет. Ничего. Знаете, как у него теперь светится лицо, когда он пересаживается с инвалидного кресла на велосипед? Родители принесли его первый раз на тренировку на руках. Парень был болен, в сильной депрессии. Теперь он полон жизни.

Я не смогу рассказать, что случилось со мной. Первый год после аварии я часто пытался вспомнить, как же все произошло? Но память будто ампутировала тот жуткий момент. Помню, как я торопился. На автостраде, ближе к Милану, мой мотоцикл подрезала шестерка БМВ. Дальше ничего не помню. Потом месяцы в госпитале и приговор врачей – я никогда не смогу ходить.

Первым пришел Льюис. Его девушка что-то кричала по-португальски и прыгала от радости. Он был счастлив. Без ног.

Вторым пришел Жак. Это было поражение, которое еще больше его подстегнуло. Теперь у него, бесспорно, есть стимул к дальнейшим тренировкам, ведь он должен быть первым.

Я пришел третьим. Весь взмыленный, руки устали.

Нас наградили медалями и денежными сертификатами. Льюису дали пять тысяч евро, Жаку – три тысячи и мне тысячу. Ко мне подошла молоденькая девушка с красивыми ногами и сказала: «Вчера меня бросил парень, и я не хотела жить. А сегодня понимаю, что это была такая чепуха...»

Marusya

18 августа 1987 года, Женева

Мне 19 лет, в ноябре будет 20. Меня зовут Маруся Мунис. Дурацкое имя, не правда ли? Отец дал мне это имя после поездки в Россию. Он преподает в университете славянскую культуру. Ничего привлекательного в их культуре не нахожу.

Кто-то мне подсказал, что это хорошо – вести дневник и записывать свои мысли. И правда, его пишу только я и читаю только я. Не нужно ни с кем делиться.

Сегодня ко мне на автобусной остановке подошел мужчина. У него был странный вид. Когда он со мной заговорил, мне показалось, что я его знаю, может быть, раньше где-то встречались. Его зовут Серж. Ему 29 лет. Дал свой телефон, попросил позвонить. Сказал, что у меня красивые глаза. Дома целый день рассматривала в зеркале глаза. Ничего особенного в них не нашла. Накрасилась. Тушь комочками. Надо купить новую.

20 августа 1987 года

Три раза набирала его номер и бросала трубку. Так и не решилась с ним поговорить.

Завтра день рождения моей мамы. Что ей подарить, не знаю, у нее все есть. Наверное, куплю шелковый шарфик.

21 августа 1987 года

Серж позвонил сам. Сказал, что это секрет, как он нашел мой номер. Мне было приятно. Рассказал, что в городе будет еще месяц, потом уезжает работать в другую страну. Предложил встретиться на набережной в 7 вечера. Паникую. Нужно придумать, что надеть. Тушь! Купить срочно!

23 августа 1987 года, 5 часов утра

Что со мной?! Ничего не понимаю! У меня кружится голова. Проболтали с Сержем 9 часов подряд. Набережная, кафе, его комната. Как я могла себе такое позволить!!!

Тушь купить так и не успела. Пришлось накраситься старой. На колготках пошла стрелка. Я выглядела чудовищно. А он говорил, что я самая красивая девушка на свете!

У него большие руки. Сказал, что он геолог, еще месяц будет работать в Валé, проводить какие-то исследования, а потом уезжает в Америку. Это так далеко! Зачем? – говорю. – Работа. – А зачем тогда меня позвал? – говорю. – По-навилась, – говорит.

1 сентября 1987 года

Взяли с Сержем лодку с мотором на причале. Катались часа три. Весело. Сумку уронила в воду, дневник весь намок. Сушила его утюгом. Хочется петь!

Спрашиваю: а ты английский знаешь, как ты в Америку поедешь? Он смеется: знаю! Проводил до самых дверей, но

ко мне не пошел. Мне завтра рано вставать.

Он красивый. Глаза голубые, волосы светлые, выются. Похож на голливудскую звезду. Сказал, что мама у него русская, отец американец, а французский так хорошо знает со школы. По-моему он инопланетянин или агент КГБ.

1 октября 1987 года

Он уехал. Сказал, что приедет через два месяца и мы поженемся. Пока не знаю, радоваться или грустить, и ничего не понимаю.

За месяц столько всего произошло! Встречались перед его отъездом каждый день. Сентябрь был таким теплым. Серж носил меня на руках, срывал цветы с клумб в парке *Perle du Lac*, падал на колени, дарил мне их. Очень смешно и романтично. Я столько не смеялась за всю свою жизнь, как за этот месяц. Один раз занимались любовью в *Gardin Botanic* в большом павильоне тропических растений.

Так легко с Сержем. Ничего, скоро он вернется и все будет хорошо!

– Надо же, – говорит, – мою бабушку звали Маруся, Мария.

– Так как все-таки, Мария или Маруся? – спрашиваю.

– Это одно и то же, – говорит.

2 октября 1987 года

В институт не пошла, плохо себя чувствую.

5 октября 1987 года

Взяла больничный. Грустно. Голова кружится. Ничего не могу делать.

Серж не звонил.

10 октября 1987 года

Серж не звонит. Сказал тогда, что как устроится, позвонит. Может, что-то случилось? Где он? Что с ним? Реву каждый день.

1 ноября 1987 года

Ходила в госпиталь. Сдала анализы. Я беременна. Рассказала все матери. Она орала. Потом редела. Как мне быть? – говорю. Она сказала, что поговорит с тетей Майей, пойдём делать аборт. Майя дежурит в приемном отделении скорой помощи сутки через трое и обо всем договорится.

13 ноября 1987 года

Мой день рождения. Заснула в 6 вечера. В 8 пришла мать, разбудила и подарила клетчатое платье. Пусть сама его носит. Не хочу никого видеть. Завтра иду на аборт.

14 ноября 1987 года

Долго сидела в госпитале. Думала. А вдруг я сделаю аборт, а завтра приедет Серж. Что я ему скажу? А потом я развер-

нулась и ушла домой. Дома спала, читала учебник по экономике. И посчитала, когда родится ребенок. В середине июня. Жара будет, экзамены...

Ничего. Ненавижу Сержа. Если когда-нибудь встретимся, про ребенка ничего не скажу.

Экзамен не сдала. Вырвало прямо на ступеньках института. Козел! Вспоминаю, как мы на лодке катались.

Отца переводят на работу в Цюрих. Через две недели переезжаем.

2 февраля 1988 года, Цюрих

Ребенок начал шевелиться.

Все время одна. Сложно. Мать смирилась. Вяжет розовые кофточки. Я ей говорю: кто их носить будет? У меня будет мальчик! А она: а вдруг девочка?

8 марта 1988 года

А ну его к черту этот дневник, не буду больше писать. Перечитала с самого начала, и стало очень грустно. Сегодня, нет, завтра его выброшу!

22 мая 1988 года

Нашла случайно дневник среди моих конспектов, думала, потеряла или выбросила его.

Я огромных размеров. Ноги отекают. Брюки себе сшила.

Доктор назначил на 18 июня. Мать говорит, соленое не

ешь, а я ей назло ем и еще больше отекаю.

25 июня 1988 года

Я родила девочку. Красивая. На меня не похожа – вылитый Серж. Ох и намучилась! Если б знала, что роды – это так тяжело, никогда бы не переспала с Сержем. Чудовище! Ненавижу!

26 июня 1988 года

Я на него больше не обижаюсь. А вдруг он умер? А вдруг не умер, но ему плохо?

А нам хорошо. Мне с моей девочкой так хорошо! Назвала Лизой. Вот она, лежит рядом, такая беленькая, с перевязочками на ручках и пухлыми губками.

15 июля 1988 года

Жара. Лиза все время спит. Мы гуляем по набережной. Она хорошо ест. Такая милая, совсем меня не беспокоит. С ней так хорошо! Я ей все время что-нибудь рассказываю, даже если она ничего сейчас не понимает. Мне просто хочется с кем-нибудь поговорить.

10 августа 1988 года

Отец с матерью почти не помогают, хорошо хоть из дома не гонят и счета все оплачивают. К друзьям своим меня теперь не берут и соседей сторонятся, чтобы вопросов лишних

не задавали. Мать-одиночка, мать-одиночка...

Отец сказал, мне пора выходить на работу, в ясли детей берут с трех месяцев. Сержа почти не вспоминаю. А когда вспоминаю, плачу. Мать говорит, что я дура, что он наверняка с другой. Может, говорит, хоть из твоей дочери что-нибудь получится.

Вчера мне приснился Серж. Он улыбался: вот видишь, ты не верила, что я приеду, а я приехал. Потом уходит, машет мне рукой, я бегу за ним, падаю и просыпаюсь.

25 июня 1989 года

Лизе годик. Не могу поверить!

Пригласили соседей. Подарили одежду и погремушки. Из всех подарков Лиза выбрала маленькую лодочку. Весь день с ней играла, а вечером пускала ее в ванне.

1 июля 1989 года

Родители смотрели за Лизой, а меня пригласил соседский парень на вечеринку. Ну и напились же все! Чувствовала там себя не в своей тарелке. Танцевала с высоким брюнетом. Обменялись телефонами. Он пытался меня целовать, мне не понравилось. Ушла быстро, хотелось домой к Лизе. Ночью обнимала ее, вкусно пахнущую молоком.

Снова снился Серж. Ничего про него не знаю, даже фамилию его не знаю. Что я ей скажу, когда она подрастет и спросит меня, кто ее отец? У меня есть время сочинить кра-

сивую историю про летчика-испытателя. Или скажу правду про геолога. Погиб в экспедиции, спасая товарища.

Вот урод! А говорил, что любит, поженимся. Никогда больше не буду верить мужчинам. Так хочется, чтобы он вернулся. Они похожи с Лизой как две капли воды.

Октябрь 1990 года, Чикаго

«Серж, прости меня, я никогда не смогу иметь детей». Он посмотрел на жену с нежностью: «Ну что ты, не расстраивайся – мы усыновим ребенка. А пока взгляни-ка, что я принес».

В коридоре стояла картонная коробка. Он открыл ее и достал маленького спящего щенка лабрадора. Щенка назвали Кевином. Тамара заботилась о нем, как о собственном дитя.

Щенок рос, грыз тапочки и новый диван. Повсюду оставлял лужи, которые хозяйева ему снисходительно прощали. «Теперь у нас настоящая семья!»

Декабрь 1991 года, Чикаго

«Тамара, мне предлагают возглавить проект в Цюрихе. Да, я понимаю, это далеко, ты привязана к своей стране, мы не сможем часто приезжать к твоим родителям. Но это шанс посмотреть мир, что скажешь?» – «Конечно, соглашайся! Когда ты сможешь приступить к работе?» – «В феврале».

Февраль 1992 года, Цюрих

– Лиза, осторожней. Ты упадешь!

– Не упаду, я смелая, сильная, как папа.

– Лиза, перестань, погляди на свои колени, все в синяках, девочки не должны быть такими!

23 февраля 1992 года

Нашла свой дневник. Полезла в кладовку и увидела коробку со старыми журналами, и там – он. Перечитала свои короткие заметки.

Родители уехали в Германию. Я осталась с Лизой одна. На праздники привожу Лизу к ним, хоть какая-то помощь. Денег не хватает, но у них не прошу. С работой сложно, диплом я так и не получила. Учиться пойти не могу, нужно работать. А работы почти нет. Три раза в неделю работаю в библиотеке. Лиза просит новые сапожки. Попробую купить в этом месяце.

Ветер сильный. Туман. Комната почти не обогревается. Заболела, сижу на больничном вторую неделю. Может, умереть? А Лиза?

Март 1992 года, Цюрих

«Хочешь еще шампанского, дорогая?» – «Серж, это вторая бутылка, у меня голова кругом». – «Ты сегодня великолепна, ты самая красивая женщина на свете!»

Тамара поправила шелковый шарф и улыбнулась: «Мы самые счастливые, правда?» – «Завтра поедem на Женевский автосалон выбирать тебе машину, как ты хотела. И в первые же выходные – в Баден-Баден. А летом купим лодку и будем по выходным на ней загорать. Неплохая идея, ты не находишь, дорогая?»

5 марта 1992 года, Цюрих

Зачем я вообще живу? Может, отвести Лизу к матери, а самой прыгнуть с моста? Неплохая идея. С моста Пон Бютан, с него все прыгают. Все равно я никому не нужна. Лизе уже почти четыре. С родителями она ладит. Наверное, так я и сделаю.

Два дня холодильник пустой. Лизе купила яблоко, на рынке мне дали морковку и две картошки. Сварила суп. Яблоко разделила на три дня. Хорошо, Лизу кормят в детском саду. Говорят, она ест лучше всех. Здоровая, подвижная девочка.

3 июня 1992 года

«Дорогая, сегодня за тобой заедет агент, и вы поедете смотреть новый дом. Лодку я уже выбрал. Она будет готова к концу месяца».

4 июня 1992 года

Сегодня хозяйка меня предупредила, что больше не желает дожидаться задолженности по оплате за квартиру. Просит

ОСВОБОДИТЬ ПОМЕЩЕНИЕ К КОНЦУ МЕСЯЦА.

25 июня 1992 года, 15.30

Цюрих. Озеро. Яхта «Surprise»

«С днем рождения, Серж! – сказала Тамара, целуя мужа в щеку, пахнущую дорогим парфюмом, – сегодня какой-то особенный день, я это чувствую!»

Кевин бегал по яхте, все обнюхивал, лаял на брызги воды и радостно вилял хвостом. Тамара лежала в шезлонге в черном купальнике от Шанель, в шляпе с большими полями и пила шампанское. Серж управлял яхтой. Он поправил белую капитанскую фуражку и улыбнулся: «Жизнь удалась!»

25 июня 1992 года, 16.00

«Мамочка, так хорошо на лодочке кататься! Можно я буду трогать водичку? Смотри, какие кораблики, я на таких хочу кататься». – «Это яхты, детка». – «Унас тоже будет такая». – «Конечно будет. Осторожно, ты так упадешь!»

Серж вышел на палубу. Жена дремала. Ветра почти не было. Метрах в тридцати он разглядел лодку, на которой сидела маленькая девочка и девушка держала весла. Девочка наклонилась, чтобы дотронуться до воды, не удержалась и упала за борт. Девушка закричала и прыгнула за ней.

Серж мгновенно понял, что случилась беда, прыгнул в воду и поплыл. Он вытащил захлебнувшегося ребенка, потом

помог забраться в лодку девушке.

Девочка тяжело дышала, девушка дрожала. Она подняла глаза и сказала «спасибо». – «Маруся?!»

26 июня 1992 года

Нет, так не бывает. То, что вчера произошло, мистическая и не поддающаяся объяснению история. Что меня понесло на озеро? Зачем я это сделала? У меня оставалось немного денег, которых все равно не хватило бы заплатить за месяц за квартиру.

У Лизы был день рождения, и мне так хотелось ее порадовать. Я взяла сумку с документами, бросила в нее дневник, а все остальные наши вещи оставила на время у хозяйки в кладовке.

Мы купили с Лизой мороженое, и она сказала: «Мне хочется покататься на лодочке!» Я взяла напрокат лодку с веслами на причале и подумала: было бы хорошо сейчас нам утонуть. Мы бы превратились в русалок, жили долго и счастливо на дне чистого озера. Нам не нужно было бы думать о деньгах для оплаты счетов, о том, что нам есть завтра, во что одеваться. И никакой хозяйки квартиры!

Когда я увидела Сержа, то подумала, что я уже в раю. Он сидел в мокрой одежде, тряс меня за плечи, что-то кричал. Лиза плакала. Потом он взял весла, и мы подплыли к яхте. Женщина в шляпе говорила по-английски и была в растерянности. Серж ее представил: это моя жена, Тамара.

Тамара помогла мне и Лизе перебраться на яхту, снять одежду и завернула нас в полотенца. Нашу лодку Серж привязал на буксир. Так мы доплыли до берега.

– Мы довезем вас домой, – сказала Тамара, – где вы живете?

Я не знала, что мне ответить, сегодня я вернула ключи хозяйке. Расслышала, как жена Сержа шепнула ему на ухо: «Девочка в шоке, мы не можем их оставить на улице, поедем к нам».

Серж подогнал машину прямо к причалу. Сейчас три часа ночи, не могу уснуть. Ничего не понимаю. Как это все могло произойти? Когда мы ужинали, Тамара спросила, есть ли у меня муж или родители, может, я хочу им позвонить?

– Наш папа геолог, он погиб, спасая друга, – сказала Лиза.

Серж выронил на пол нож.

– Какая смышленная девочка, – сказала Тамара.

– А ты тоже смелый, меня спас, а я чуть не захлебнулась, – добавила Лиза, глядя на Сержа.

– Ну что ж, пора спать, я постелю вам в гостевой комнате, а завтра будем разбираться.

Я никак не могла уснуть и слышала, как в соседней комнате Серж разговаривает с Тамарой. Он говорил, что нас нельзя пока отпускать никуда, надо дать нам прийти в себя. Тамара сказала, что гордится им, что он самый смелый мужчина на свете, что она его любит. Они говорили по-английски, и это все, что я поняла.

1 июля 1992 года

Уже пять дней мы в доме Сержа.

На следующий день, как все произошло, воспользовавшись моментом, когда Тамары не было дома, Серж подошел ко мне, обнял без слов. В горле у меня стоял комок, хотелось заплакать, но слез не было, давно все выплакала.

– Я искал тебя повсюду. Приехал через три месяца в Женеvu, мне сказали, тут такая не проживает. Адрес новый мне не дали. Я вернулся в Чикаго. Через год женился. Я думал о тебе почти каждый день. А потом все прошло. С Тамарой мы вместе работали, а теперь вот здесь живем. У нее русские корни, как и у меня. Она говорит на пяти языках, мы одного возраста, и она хороший, добрый человек. Я многим обязан ей. Мне надо ей все рассказать.

– Не надо, Серж, мы с Лизой как-нибудь сами, а Тамара и вправду хорошая. И она вряд ли поверит в нашу историю.

– Лиза моя дочь, и рано или поздно нам нужно будет ей об этом сказать. – Серж что-то говорил, накручивая на палец локон моих волос, я почти ничего не слышала, стояла и дышала им, кивала, мол, да, конечно, как скажешь. Я пыталась восполнить этими минутами всю многолетнюю пустоту внутри души. Чувствовала, как моя рана затягивается рядом с ним и я обретаю силу.

3 июля 1992 года

Не знаю, как мне быть. Тамара к нам с Лизой очень добра. Она не отпускает нас. Серж ей пока ничего не сказал. Сегодня она ездила в магазин и купила мне и Лизе красивую одежду. Хочется рассказать ей правду. А если она разозлится? Хотя я не могу себе этого представить, она такая добрая. А меня ну просто бесит, когда она целует Сержа при мне и говорит, как его любит. Надо уезжать от них. Только куда?

4 июля 1992 года

Сегодня снова не могла заснуть. Слышала, как они занимаются любовью. Нарочно встала, включила свет везде и громко расставляла посуду на кухне.

5 июля 1992 года

Тамара уехала в Берн по делам. Лиза спала в саду в гамаке. Я лежала в своей комнате и читала. Серж постучал в дверь: можно? Ну и все. Все было точно так же, как почти пять лет назад в его комнате в Женеве.

Я поступила скверно, но была счастлива.

5 июля 1992 года

– Маруся, ты мне поможешь приготовить ужин?

– Я помогу, – сказала Лиза, – мама спит.

– Ну и хорошо. Держи-ка ложку. Я сделала салат, мы польем его маслом, а ты его помешаешь.

6 июля 1992 года

С самого утра я сразу почувствовала в доме напряжение. Тамара взяла Кевина на поводок и сказала, что прогуляется. Серж сидел грустный в своем кабинете.

– Что-то случилось? – спросила я.

– Я все рассказал Тамаре. Сказал, что вам нужно уехать, так будет правильно. Я буду оплачивать вам жилье и все расходы.

– И что Тамара?

– Ничего. Мне кажется, она не верит, что Лиза моя дочь.

Тамара вернулась с прогулки. По ее лицу невозможно было ничего прочесть. Она, как обычно, улыбалась, суежилась на кухне, готовила салат, нарезала хлеб, кормила Кевина. Только после ужина сразу ушла спать.

7 июля 1992 года

– Нет, Серж, это неправильно, если ты будешь снимать жилье Марусе и Лизе. Лиза твоя дочь – и это удивительно! Ты всегда так хотел детей. Они должны жить с тобой.

Я стояла за стенкой в соседней комнате и слышала, как Тамара говорила это.

8 июля 1992 года

Не знаю, как было бы правильней поступить в такой ситуации, но я больше не могла смотреть Тамаре в глаза. Хотелось извиниться перед ней, но вместо этого я положила в

рюкзак свой дневник, несколько футболок, джинсы, собрала Лизу, и мы поехали на вокзал. Взяли билеты с пересадкой до Мюнхена и через час уже сидели в электричке. Лиза спрашивала, почему мы уехали, «Серж такой хороший, и Тамара». Я сказала, что бабушка с дедушкой скучают.

15 июля 1992 года

Отец с матерью приняли нас прохладно, когда узнали, что нам теперь негде жить. Сказали, что надо пытаться устроиться на работу. Думаю, я поступила не очень хорошо, не попрощавшись с Сержем и Тamarой. Я оставила записку на холодильнике и телефон моих родителей в Мюнхене. В конце написала «спасибо».

20 октября 1992 года

Мы по-прежнему живем с родителями. Я работаю в ресторане. Платят немного, но нам с Лизой хватает. Думаю, в следующем году смогу снимать квартиру и мы с Лизой переедем.

1 ноября 1992 года, самолет Мюнхен – Цюрих

До сих пор в ушах звенят слова Тамары. Серж погиб в экспедиции в России на Кавказе. Погиб, спасая друга.

С самого начала день не заладился. Проливной дождь, сложный маршрут, а горы не терпят легкомысленных ошибок. Коллега Сержа предложил сократить путь и пойти че-

рез гору, в обход получилось бы гораздо дольше. На перевале остутился и сорвался в ущелье. Он был жив, но потерял сознание, и Серж его вытащил. А сам, обессилев, поскользнулся на краю пропасти и полетел вниз, цепляясь за торчащие между камней корни, ветки...

Нелепая смерть. Зачем ему было все это? Этот исследовательский романтизм? Он мечтал стать геологом с детства, хотя мог бы и не работать. Ему по наследству перешло неплохое состояние, и Тамара – дочь богатого промышленника.

Не верю, что его нет, просто не верю.

Она встретила нас с Лизой. Обняла меня и сказала: «Теперь мы с тобой равны, Маруся. Его нет ни у тебя, ни у меня».

25 декабря 1992 года

Рождество справили с Тамарой и Лизой тихо, по-семейному. Над камином фотография Сержа. Свечи зажгли. Тамара предложила переехать к ней. Ей гораздо хуже, чем мне, я это вижу. Она сказала, что в Америку возвращаться не хочет, будет жить здесь. Попросила, чтобы мы жили с Лизой у нее. Лизу любит, балует. Иногда обнимает ее, целует и называет «мой маленький Серж». Лиза, конечно, ничего не понимает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.